



## Соматизмы во фразеологии европейских и восточных языков

И. Пачаи

Ньиредьхазская высшая школа, Ньиредьхаза, Венгрия  
(E-mail: [drpacsai@gmail.com](mailto:drpacsai@gmail.com))

### ARTICLE INFO

**Ключевые слова:**  
фразеологизмы,  
соматизмы,  
европейские  
языки, венгерский  
язык, тюркские,  
финно-угорские  
и китайский  
языки, переносные  
значения,  
сложные парные  
слова, ареальные  
исторические  
контакты.

МРНТИ 81.367

DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2022-4-99-112>

### АННОТАЦИЯ

Изучение фразеологии является важной задачей лингвистики, что подтверждается результатами исследований известных ученых. Фразеологические единицы отражают важные мотивы национального сознания, менталитета и этнической культуры. Н.С. Трубецкой в своих работах отметил важное влияние тюркских и финно-угорских языков на русский язык и русскую культуру, что мотивировало наше дальнейшее исследование по фразеологии различных языков.

При исследовании семантики и структуры фразеологизмов восточных языков нами были обнаружены их смысловые и структурные сходства с фразеологическими единицами венгерского языка. В настоящей статье рассмотрены некоторые соматизмы (названия частей тела человека) во фразеологических единицах европейских и восточных языков, отмечаются их различия, обусловленные ментально-культурными традициями народов; раскрываются семантические и структурные сходства фразеологизмов венгерского и тюркских, восточных языков, связанные с исторически ареальными, языковыми и культурными контактами.

Соматизмы в тюркских и венгерском языках, кроме прямого обозначения части тела человека (голова, сердце, глаз, ухо, рука и т.д.), имеют и переносные значения, выражающие душевный мир человека, его положительную или отрицательную характеристику. Эти переносные значения также имеются и во фразеологизмах китайского языка.

Структурно соматизмы во фразеологизмах тюркских, финно-угорских, венгерского, китайского языков представлены сложными парными словами, что подтверждает их некоторую типологическую общность. Парные соматизмы во фразеологии русского языка обусловлены ареально-культурным влиянием тюркских и уральских языков.

Received 25 September 2022. Revised 29 September 2022. Accepted 26 November 2022. Available online 30 December 2022.

#### For citation:

I. Pacsai Somatic phraseological units of European and Oriental Languages. – 2022. – Vol. 4. – №4. – P. 99-112. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2022-4-99-112>

#### Для цитирования:

И. Пачаи Соматизмы во фразеологии европейских и восточных языков // Turkic Studies Journal. – 2022. – Т. 4. – №4. – С. 99-112. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2022-4-99-112>



## Введение

Исследование фразеологии является важной задачей лингвистики, о чем свидетельствуют многие работы знаменитых исследователей. О повышенном интересе к фразеологии свидетельствуют работы О.Б. Ткаченко, 1979, В.Н. Телии, 1996, В.В. Воробьева, 1997, В.В. Колесова, 1999, В. М. Мокиенко, 1999 и других исследователей. В.Н. Телия подчёркивает то, что ментальность лингвокультурологической общности явно отражается во фразеологических единицах. Изучение национальной ментальности является важной областью новой дисциплины – лингвокультурологии, которая, по мнению В.В. Воробьева, соответствует общей тенденции современной лингвистики (Воробьев, 1997: 10). При компаративном исследовании фразеологии европейских и восточных языков мы убедились в том, что они отражают разные культурные традиции.

## Материалы и методы исследования

Интерес к различным лингвокультурным контактам заключается в том, что я вырос в словацком поселении Венгрии, которую основали словацкие переселенцы в начале XVII века на Большой венгерской низменности. Билингвизм и знание венгерских и словацких традиций мотивировало инстинктивное сопоставление разных культурных традиций. Мои специальности: венгерский, русский и французский языки и знание румынского языка расширяли и углубляли интерес к сопоставлению разных языков и культур. Важной мотивацией служила работа Н.С. Трубецкого, исследовавшего культурные контакты «русской культурной зоны», в которой наблюдаются следы интенсивных и длительных контактов русского народа с тюркскими и финно-угорскими народами (Трубецкой, 1927). Работа Н.С. Трубецкого освещала использование «парных слов» в русской народной речи и фольклоре, которые, по мысли Н.А. Баскакова, возникли под влиянием тюркских контактов (Баскаков, 1979).

Венгерские и тюркские параллельные фразеологические единицы тоже отражают интенсивные и длительные тюркско-венгерские контакты, что подтверждается сходными метафорическими картинками в различных языковых единицах. Наша работа началась с сопоставления сложных парных слов, специфической особенности венгерского языка, с похожими параллельными структурами тюркских, восточных языков.

Основными источниками для данной статьи стали работы по лексикологии, словари и фразеологические сборники. Важными источниками также являются сборники по венгерской фразеологии, в которых также зафиксированы фразеологизмы средневековья.

Нами были тщательно изучены материалы тюркской, русской и финно-угорской фразеологии. Работы по словацкой, румынской, французской фразеологии тоже были использованы при сравнительно-сопоставительном анализе соматизмов.

Важным достижением нашей компаративной работы считается то, что при толковании 12 фразеологических единиц нами использованы данные историко-этимологического

словаря (Русская фразеология, 2005). Статья о сходных элементах венгерской и татарской фразеологии вышла в Казани в периодике TATARICA (Tatarica, 2015). Статья о фразеологических единицах ботанического характера в изученном ареале была опубликована в научном журнале TÜRKÖLOGIA (Turkologia, 2021).

### Степень изученности темы

Соматизмы и их структуры во фразеологизмах разных языков исследованы до настоящего времени недостаточно. Знаменитый венгерский тюрколог, академик И. Вашари советовал мне сопоставительное исследование венгерских и тюркских фразеологических единиц, так как они не были хорошо изучены. О необходимости сравнительного исследования русских и тюркских фразеологизмов писал и тюрколог Н.А. Баскаков, отмечая, что не изучены тюркские заимствования в русском словообразовании (ср., например, тюркские модели в образовании некоторых так называемых парных слов) и фразеологии (Баскаков, 1979: 5).

Рецензии, опубликованные в научных журналах, подчеркивают новый характер моих работ, раскрывающих белые пятна лингвистики в областях словотворчества и фразеологии.

Я считаю важным достижением моего исследования сотрудничество с профессором О.Б. Ткаченко (член-корр АН Украины). Всемирно известный основоположник направления сопоставительно-исторической фразеологии, узнав о результатах моих исследований по малоизученным вопросам языковых контактов, предложил мне быть его сотрудником. Мы с ним провели серию исследований „Следы языковых и культурных контактов в русском фольклоре и фразеологии”, которые в 2002-м году были опубликованы как книги по данной теме.

По предложению В.М. Мокиенко я был внешним оппонентом кандидатской диссертации доцента Санкт-Петербургского университета, который изучил парные слова в разноструктурных языках. В 2012 году был рецензентом книги доцента по тюркологии Симферопольского университета, исследовавшего сопоставление парных слов фразеологического характера в русском и крымско-татарском языках.

### Анализ

Проблема душевного мира человека издавна была предметом особого внимания, о чем свидетельствуют древние мифы и сказки. Считается, что душевный мир человека отражается в языке, центральное место в котором занимают соматизмы во фразеологических единицах различных языков.

Во фразеологических оборотах европейских языков, связанных с душевным миром человека, ключевым словом является «СЕРДЦЕ», о чем свидетельствуют следующие примеры:

Английский: **heart** ‘сердце’: **heartly**, **cordial** ‘сердечный’; **heart-gripping** ‘огорчающий’; **love heartly** ‘любить всей душой’; **nearest one’s heart** ‘самый любимый’; **take to heart** ‘принимать что-л. (близко) к сердцу’ **with heart and soul** ‘душой и телом’.

Немецкий: **herz** 'сердце': *es ist ihm's herz schwer* 'давить, лечь тяжестью/ камнем'; **herzengüte** 'доброта, добросердечие'; **herzlos** 'бессердечный, безжалостный', **hartherzig** 'каменное сердце'; **offenherzig** 'прямодушный, бесхитростный'

Французский: **coeur** 'сердце': *c'est un coeur dor* 'добродушный человек'; *garder sur le coeur* 'хранить в сердце кого-л.'; *froid au coeur* 'испуганно, со страхом'; *homme sans coeur* 'бессердечный, безжалостный человек'; *ouvrir son coeur* 'открыться, говорить о проблемах'; *peser sur son coeur* 'давить, лечь тяжестью/камнем';

Румынский: **inimă** 'сердце' *cu toata inimă* 'душой и телом'; *crește inimă* 'ликует сердце'; *a și face inimă rea* 'огорчаться'; **inimă** *albastra* 'грусть-тоска'; *un om de inimă* 'храбрый, быть не трусливого десятка'

Польский: **serce** 'сердце': *calym sercem* 'душой и телом'; *majacy kamienne serce* 'у него каменное сердце'; *clowiek bez serca* 'жестокий'; **serdeczne** 'сердечно'

Русский: **сердце**: *добросердечие*; *сердечный*, *каменное сердце*, *иметь сердце на кого*, *скрепя сердце*, *не сдержав сердце*.

Параллельные фразеологические модели встречаются в тюркских языках, например, татарские фразеологические единицы **йөрәгенә йон ускән** (ТаРС., 196) 'вялый, апатичный, неэнергичный человек' (букв: сердце у него обросло шерстью); **йөрәген төк баскан** 'вялый, апатичный, неэнергичный человек (букв: сердце у него обросло волосами). В венгерском языке есть фразеологический оборот **szőrösszívű** 1) жестокий, у него каменное сердце; 2) скупой, скаредный, прижимистый (букв: сердце у него обросло волосами) (ВРС., II/675). В данном случае в обоих языках во фразеологизмах запечатлены отрицательные характерные черты человека. Заслуживает внимания также тождество буквального значения этих фразеологических единиц.

При изучении фразеологизмов в тюркских и некоторых других восточных языках мы обнаружили интересные моменты в обозначении психических явлений и характера человека. В тюркских языках для обозначения явлений душевного мира важное место занимает слово «ПЕЧЕНЬ». Данное явление наблюдается и в венгерском языке, но не типично в упомянутых европейских языках. Переносные эмотивные значения лексемы „печень”, характерные для тюркских языков, не встречаются в европейских языках.

Так, **туркменская** лексема **багыр** означает: '1) печень, печенка; 2) *перен.* душа, сердце'; **гара багыр** 'отзывчивый, сердечный'; **багрың көймек** (ТуркРС., 64) 'сильно огорчаться'; **багрыны якмак** 'причинять зло, причинять сердечную боль кому-л.'; **багры буз** 1) холодный, равнодушный, безразличный; 2) бессердечный, жестокий, безжалостный; **багриңдан өнен** 'родной, родимый (о ребенке)'

В **турецком** языке ряд выражений свидетельствует о восточном характере данного типа сегментации. Турецкое слово **ciğer** 'печень' обладает и переносным значением „душа, сердце”, о чем свидетельствуют выражения: *cikmakta bu âvaz o garibin ciğerdinen*, 'это крик души несчастного'; *ciğerini yakmak*: 1) терзать душу, 2) хватать за душу; **ciğerim!** 'Милый мой!' (ТурРС., 156). Лексемы, образованные от слова **ciğer** также используются для обозначения душевного мира человека **ciğergâh** (ТурРС., 156) 'душа, сердце'; **ciğerguse** (ТурРС., 156) '1) любимый (человек). 2) любимое дитя'; **ciğerduz** (ТурРС., 156) 'терзающий, изводящий душу' (поэт.); **ciğerdar** (ТурРС., 156) 'смелый, храбрый, мужественный'.

В башкирском языке явления душевного мира и характер человека тоже обозначаются словом БАУЫР ‘печень’: *бауыр басыу* ‘находить утешение’; *кара бауыр* ‘злой, зловредный, жестокий’; *бауырга таш булып ятыу* ‘лечь камнем на сердце’; *бауырга инеу* ‘лезть в душу’; *бауыр ите* ‘дорогой, родной, близкий; *ят бауыр* ‘неродной, чужой (о человеке)’. Сложное парное слово *йөрөк-бауыр* обладает конкретным и переносным значением ‘1) печень и сердце (животного); 2) переносн. душа (внутренний психический мир человека)’: *йөрөк-бауырга инеп барыу* ‘проявлять нежность, быть ласковым, войти в душу’ (БРС., 237).

В татарском языке слово *бавыр* (ТаРС., 51) ‘печень’, кроме прямого значения (орган человеческого тела) обладает переносным значением «сердце, центр». В выражении „Урал *бавыры*” (ТаРС., 51) ‘сердце (центр) Урала’ данное слово используется в переносном смысле. Выражение *бала – бавыр ите* (ТаРС., 51) ‘ребенок, близкий к сердцу’, по своему значению имеет тесную связь с турецкими фразеосочетаниями, обозначающими душевный мир человека.

В кыргызских фразеологических единицах слово *боор* (КиРС., 145), также выражая переносные значения, служит для обозначения явлений душевного мира, здоровья и характера человека: *боор таш/ таш боор төрө*, *боор* ‘жестокий, жестокосердный’; *боор оору* ‘болеть душой’; *боору жетик* ‘в расцвете сил’; *бала боор менен тең* ‘дитя (свое) дорого сердцу’; *боору бүтүн* ‘здоровый (не раненый, не больной)’; *боордош* ‘кровный родственник’; *боортолголо* ‘испытывать чувство нерешительности’. Следует также отметить, что в киргизском языке слово *өт* (КиРС., 601) ‘жёлчь’, помимо основного прямого значения, обозначает ‘ловкий, боевой’.

Заслуживает внимания, что в венгерской фразеологии слово *máj* ‘печень, печёнка’ выражает значения, характерные для тюркских языков. Лексема *máj* употребляется во фразеологических оборотах, обозначающих душевный мир, характер человека. Так, в венгерском фразеологизме „*Nagy mája van*” (ONG., 460/216) ‘чересчур вспыльчивый, раздражительный (букв.: у него большая печень)’ значение слова печень семантически близко к значениям тюркских фразеологических единиц. Подобные смысловые сходства наблюдаются и в других венгерских фразеологизмах: *Hamis a mája*” (ONG., 460/ 214) ‘1) каверзный, лукавый человек; 2) обманчивая женщина (букв. у него/ у нее лукавая печень)’; „*Hízik a mája*” (ONG., 460/ 215) ‘проникнута гордостью, исполняться похвалами (букв.: его / ее печень жиреет / тучнеет)’; „*Nem fér a májához*” (ONG., 460/ 218) ‘не любить кого-л. (букв. не годится печени)’.

Переносные значения лексемы *печень* достаточно распространены в венгерской поэзии и литературе. Так, знаменитый венгерский поэт Янош Арань, знаток венгерской народной речи, поэтически воссоздает образ гордого дворянина оборотом *büszke máj* ‘гордая печень’. В известной венгерской поэме „*Toldi /Толди*” гордый, коварный и жестокий вельможа Толди Дбёрдь, угнетающий и презирающий своего младшего брата, характеризуется следующими словами:

„*Toldi György nagy úr volt. Sok becses marhája,  
Kincse volt tömérdek, s arra büszke mája*” (Arany Toldi; 12.)

‘Толди Дбёрдь был мощным вельможей. У него было несметное богатство и поэтому его *печень* была *гордой*’.

Переносные значения слова печень встречаются и в других восточных языках, например, в китайском. Китайское слово *gān* / гāнь (ОШ., 227/ 2342) означает: '1) печень, печёнка; 2) храбрость, отвага; 3) совесть', обладает и переносным значением, которое наблюдается в следующих выражениях: „*gān*-чан цунь-дуань” (ОШ., 228/ 2342) 'убиваться'; „*gān*-хэ тай-шэн” (ОШ., 228/ 2342) 'обр. чересчур раздражительный; легко выходить из себя'.

Китайская лексема *dān* / дāнь (ОШ., 110/ 1166) употребляется в значении: '1) жёлчный пузырь; 2) степень храбрости, смелости, мужества и отваги'. Как видим, второе значение переносное, раскрывает положительную характеристику мужчины и выражает положительные смысловые коннотации в фразеологизмах.

Производные от этого слова лексемы могут обозначать как положительные, так и отрицательные смыслы. Выражения *dānyǎo* (ОШ., 110) 'храбрый, отважный (букв.: большой жёлчный пузырь)'; *dānyǎn* (ОШ., 110) 'смелость, храбрость, мужество'; *dānyǎn* (Ош., 110) '1) иметь смелость, осмелиться, сметь; 2) отчаянный, смелый, дерзкий' связаны с важными положительными характерными чертами человека.

Напротив, выражение *dānyǎo* (ОШ., 110/1166) 'трусливый, робкий (букв. маленький жёлчный пузырь)' и *dānyǎo* (ОШ., 110/ 1166) 'трусливый, несмелый, робкий' обозначают отрицательные характерные черты человека. Выражение *dānyǎo* (Ошан., 110/1166) 'холерический характер; холерик' тоже обозначает отрицательную черту человека.

Кроме того, в китайском языке сложные слова, обозначающие органы человеческого тела (соматизмы), также часто употребляются в переносном значении. Так, сложное парное слово *gān-nǎo* (ОШ., 227/ 2342) 'обр. физические и душевные силы' состоит из компонентов *gān* 'печень' (ОШ., 227/ 2342) и *nǎo* (ОШ., 189/ 1910) '1) голова; 2) мозги; 3) рассудок, ум'. Это сложное слово которое используется в фразеологизме *gān-nǎo tu-di* (ОШ., 227/ 2342) 'отдать свою жизнь, не пощадить живота (за родину)'.

В венгерской фразеологии слово *epe* 'жёлчь' используется тоже для изображения душевных явлений: „Az *epe beszél belőle.*” (ONG., 176/ 550) 'он остро говорит (букв. из него жёлчь говорит)'; „*Elfutja / elönti az epe*” (ONG., 176/ 551) 'разродиться, рассердиться (букв.: его разлила жёлчь)'; „*Felforr az epéje*” (ONG., 176 / 552) 'рассердится, пришел в бешенство (у него вскипела жёлчь)'.

Если в целом сравнивать венгерские фразеологические единицы с фразеологизмами восточных языков, то можно наблюдать их семантическую близость, что, безусловно, подчеркивает историческую связь венгерского языка с тюркскими языками, венгерской национальной ментальности с ментальностью тюркских народов.

В данной статье также следует отметить семантические параллели, связанные с отражением душевного мира человека в культуре русского, венгерского и восточных народов, в т.ч. и тюркских, что также свидетельствуют о влиянии культурных контактов и культурной зоны этих народов.

Татарскому фразеологизму *йоны-мурсе белен* (ТаРС., 191) 'со шерстью и шкурой', в котором используется парное слово *йоны-мурсе*, соответствует венгерское фразеосочетание *szőröstül-bőröstül* (ME., 699) 'с кожей и костями; целиком; шутл. со всеми потрохами (букв.: с шерстью и шкурой)'. В сборнике Э. Маргалича зафиксирован

пример: *szőröstül-bőröstül megesz valamit* ‘съесть с потрохами что-л.’.

В русской фразеологии слово **печёнка** также имеет похожие переносные значения: „**Всеми печёнками**” (РФ., 531) ‘прост. Очень сильно, страстно (ненавидеть, презирать кого-л.)’; „**Сидеть в печёнках** /кого-л./” (РФ., 531) ‘прост. о чувстве ненависти, крайней нелюбви к кому-л.’. Эти русские обороты просторечны, употребляются в народной речи и относятся к коренным русским фразеологизмам. Необходимо указать на то, что они, подобно китайским оборотам, изображают **отрицательные** душевные явления. В русской народной речи отражается образное метафоричное выражение духовного мира человека.

В русских народных песнях мы нашли следующие примеры: „**У молодца, у парничка живот-сердце бьетца** (Кир., 146/306); „**Сударочки найдеть – живот-сердце мреть**” (Кир., 254/555); „**живот-сердце нарывана**” (Писемский, НСП., 314). При помощи парного слова **живот-сердце** образно передается сущность понятия „душа”, что свидетельствует как о специфичности, образности фольклора, так и об ареальном характере данной структуры.

О широком использовании данного приема свидетельствуют сходные по смыслу структуры в финно-угорских языках.

В **удмуртском** сложном слове **кõtъя-сюлэмья** (УРС., 216) ‘по душе, по сердцу’ обнаруживается соответствие структуры слова в русском и финно-угорском языке, в котором производное сложное слово состоит из лексем **кõt** (УРС., 216) ‘живот’ и **сюлэм** (УРС., 407) ‘сердце’.

**Марийское** сложное парное слово **шум-моки** (МаРС., 434) состоит из лексем **шум** ‘сердце’ (434) и **моки** (192) ‘печень’, ‘внутренности, ливер’ и в переносном значении обозначает ‘душевный мир человека’.

**Мордовские** парные слова **седейсть-максот** (Э) / **седихть-максот** (М) (ГМЯ., 132) ‘внутренности, ливер’ < **седей** / **седи** ‘сердце’ + **максо** / **макса** ‘печень’, в которых обнаруживаются эквиваленты марийских слов, также примыкают к семантической группе данного ареала.

Эквиваленты марийского и мордовских сложений **максо** (Э) / **макса** (М) обнаруживается в уйгурском сложном, парном слове **журэк-багри** (КАЙ., 143) ‘внутренности’, состоящем из лексем **журэк** ‘сердце’ и **багир** ‘печень’. Этот сложный дериват используется во фразеологизме „**журек-багри езилмек**” (КАЙ., 143) ‘болеть душой’.

Выражение **живот-сердце** как соматизм обозначает душевное состояние человека и является характерным для восточных языков. Подобное наблюдается и в **китайском** языке. Китайские слова, обозначающие части человеческого тела, могут обозначать душевный мир человека. В качестве примера приводим китайские сложные парные слова: **гү-сюё** (ОШ., 352/ 3547) ‘обр. дети’ < **гү** (ОШ., 352/ 3547) ‘1) кость, скелет, остов; 2) телосложение, облик; 3) кости, останки; 4) крепкий, прямой’ + **сюё** (ОШ., 72/ 734) ‘кровь’; **гү-ждү** (ОШ., 352/ 3547) ‘обр. кровное родство, родные’ < **гү** ‘кость’ + **ждү** (ОШ., 392/ 3968) ‘мясо, плоть, тело’ передаются родственные отношения.

В евразийском ареале языковых контактов выражение **пот-кровь** означает «очень трудная, напряженная работа». В романе С. Залыгина (Залыгин, 1979) „*На Иртыше*”

используется данный оборот для передачи данного понятия: „пошел **пóтом-кровью** выращенное зерно палить” (ЗНИ., 579). В языке хинди сложные парные слова *khun-pasīnā* / кхун-пасинā (ХРС., 315) означают ‘кровь и пот’. Башкирское *кан-тип* (БРС., 346) ‘кровь и пот’: *кан-тип* түгеп табыу (БРС., 346) также означает ‘добывать что-либо потом и кровью’. Венгерское выражение *véres verejtékkel* ‘тяжелым трудом (букв.: кровавым потом)’ используют тождественную структуру для выражения данного смысла. Русские фразеологические единицы „работать **до седьмого пота.**” (РФ., 563); в **поте** лица трудиться; „в **поте** лица своего есть хлеб” (РФ., 563) передают значение «трудной, напряженной работы», примыкая к данной семантической зоне. Китайская структура *xuè-hán* ‘тяжелая, напряженная работа’ (ОШ., 72/734) < *xuè* (Ошанин., 72/734) ‘кровь’ + *hán* (ОШ., 228 / 2356) ‘пот’ является эквивалентом русской фразеологической единицы. Китайское выражение *hanxuè qiàn* (ОШ., 228 / 2356) ‘деньги, добытые в поте лица’ используются для передачи понятия «напряженный труд».

Сложения, парные слова с лексемами «**глаз**» и «**ухо**» также связаны с восприятием действительности, отражают душевный, духовный мир человека:

В **туркменском языке** *göz-gulak bolmak* (ТуркРС., 321) означает ‘1) присматривать за кем, глядеть в оба 2) быть настороже, быть осторожным’; татарская структура *күз-колак болу* (ТаРС., 334) – то же самое.

В **турецком языке** тоже есть похожая структура *göz kulak* (ТурРС., 356) > *göz kulak olmak* ‘присматривать за кем, заботиться о ком’; > *göz kulak kesilmek* ‘обратиться в слух и зрение; напрягать зрение и слух’;

В **китайском языке** наблюдается параллельная структура *ěr-mù* (ОШ., 235) ‘внимание, информация; соглядатай’, состоящая из лексем *ěr* ‘ухо’ и *mù* ‘глаз’. Венгерские сложные парные слова *szemfüles* (МЕ., 673) > *szemfülesnek lenni* означают ‘быть пронырливым, оборотливым’ *eliül-hátul szemfüles* (МЕ., 673) ‘очень пронырливый (буквально глаз и ухо впереди и сзади), отражает ареальный характер, так как по своим форме и значению *szem* ‘глаз’ *fül* ‘ухо’ соответствуют тюркским фразеологическим единицам. Заслуживает внимания, что в XVII-м веке использовался в форме *szem-fül* (МЕ., 673).

### Полученные результаты

При сравнении фразеологических единиц европейских и восточных, в т.ч. тюркских языков имеются определённые различия между сопоставляемыми языками. Во фразеологизмах европейских языков доминирующим соматизмом является «сердце». Во фразеологических единицах восточных языков для обозначения душевного состояния человека используются другие соматизмы. В восточных языках, кроме лексемы «сердце», в метафорических образных выражениях активно используются соматизмы «печень», «желчный пузырь», «глаз», «ухо», не типичные для фразеологических единиц европейских языков.

Соматизмы во фразеологических единицах тюркских, восточных языков, помимо прямого обозначения органов человеческого тела (голова, сердце, печень, глаз, ухо и т.п.), имеют переносные значения, раскрывающие психическое состояние человека, его

эмоции, душевное переживание. Эти же переносные значения имеются и в соматизмах венгерского языка, что подтверждает его исторические связи с тюркскими, восточными языками.

Нами также выявлено, что соматизмы во фразеологии тюркских, восточных языков чаще всего употребляются в сложных парных словах, типа *йоны-тирсе*, *кан-тир* (баш.), *гөз-гулак* (туркм.), *göz kulak* (турец), *журэк-багри* (уйгур.). Русские языковые модели типа «живот-сердце бьетца; „живот-сердце мреть“; „живот-сердце нарывана” имеют ареальный характер, влияние языковых и культурных контактов с тюркскими, уральскими языками. Сложные парные слова во фразеологизмах финно-угорских языков образованы по той же схеме, как, например, удмуртская *кӧтъя-сюлэмъя*, марийская *шум-мокш*, мордовские *седейсть-максот*, *седихть-максот* и тоже примыкают к отмеченному выше семантическому ареалу.

Во фразеологизмах китайского языка в обозначении душевного, духовного состояния человека также активно используются парные сложные слова, типа *гǎнь-нǎо ёр-мù хуè-һán* и т.п. Эти парные сложные слова по результатам исследования китайских ученых (G.V. Gabelentz, В.И. Горелов, А.Л. Семенов) являются характерными структурами для китайского языка, что подтверждает сходство восточных языков в аспекте словотворчества.

### Выводы

В результате сравнительно-сопоставительного исследования фразеологизмов европейских и восточных языков можно установить различия в структурном и семантическом плане. Сходные структуры фразеологизмов наблюдаются от Карпатского бассейна до Тихого океана, что отражает общие элементы древней культуры, национальной ментальности и влияние языковых и культурных контактов.

Семантическая и структурная близость фразеологизмов венгерского языка и тюркских, восточных языков подчеркивает историческую связь венгерского языка с тюркскими языками, венгерской национальной ментальности с ментальностью тюркских народов и Востока.

### Литература

- Баскаков Н.А., 1979. Русские фамилии тюркского происхождения. Москва. С. 5.
- Воробьев В.В., 1997. Лингвокультурология. Теория и методы. Издательство Российского университета дружбы народов. Москва. С. 45-53.
- Gabelentz G., 1881. Chinesische Grammatik mit Ausschluss des niederen Stils und der heutigen Umgangssprache. Leipzig. С. 11-15.
- Горелов В.И., 1984. Лексикология китайского языка. Москва. С. 21-25.
- Мокиенко В.М., 2007. Загадки русской фразеологии. Санкт-Петербург: Авалон. С. 6-9.
- Moravcsik Edith A., 2009. Partonomic structures in syntax. *New Directions in Cognitive Linguistics*. Amsterdam-Philadelphia. С. 45-49.
- Пачаи И., 1995. Ареальные аспекты парных слов в русском языке. *Ньиредьхаза*. С. 35-38.

- Пермяков Г.Л., 2001. Пословицы и поговорки народов Востока. Москва. С. 38-43.
- Семенас А.Л., 1976. Парадигматический анализ компонентов копулятивного сложения в китайском языке. Москва: Восточное языкознание. С. 107-112.
- Телия В.Н., 1996. Русская фразеология. Москва: Языки русской культуры. С. 31-35.
- Ткаченко О.Б., 1981. Проблемы сопоставительно-исторического изучения славянских языков. Москва: Вопросы языкознания. С. 48-59.
- Токарев С.А., 1957. Религиозные верования восточнославянских народов XIX-начала XX в. Москва: Издательство Академии наук СССР. С. 41-44.
- Трубецкой Н.С., 1991. Верхи и низы русской культуры. Москва: Вестник Московского университета. Сер. 9. № 1. С. 87-98.
- Успенский Б.А., 1982. Филологические разыскания в области славянских древностей. Москва. Издательство Московского университета. С. 36-39.

### Источники и их временные сокращения

- АС – Аталар сёзлери ве айтымлар. 2002. Крым-Симферополь.
- БРС – Башкирско-русский словарь. 1996. Москва: Русский язык.
- Д – Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в двух томах. 1984. Москва.
- ЗНИ – Залыгин С., 1979. На Иртыше. Москва: Молодая гвардия.
- КАЙ – Кайдаров Н., 1958. Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата.
- КаРС – Казахско-русский словарь. 1981. Москва.
- Киреевский – Сборник народных песен П.В. Киреевского. 1983. Ленинград: Наука.
- КиРС – Киргизско-русский словарь. 1965. Москва: Русский язык.
- МаРС – Марийско-русский словарь. 1991. Йошкар-Ола: Русский язык.
- МЕ – Margalits Ede., 1990. Magyar közmondások és közmondásszerű szólások. (венгерские пословицы и поговорки). Budapest: Akadémiai Kiadó.
- MFS – Smiešková E., 1992. Malý frazeologický slovník. Bratislava.
- НСП – Русские народные песни, собранные писателями. 1974. Москва.
- Ожегов – Ожегов С.И., 1987. Словарь русского языка. Москва: Русский язык.
- ОШ – Ошанин И.М., 1952. Китайско-русский словарь. Москва.
- РФ – Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И., 2005. Русская фразеология. Москва: Астрель
- АСТ - Люкс.
- ТаРС – Татарско-русский словарь. 1966. Москва: Русский язык.
- ТуРС – Турецко-русский словарь. 1977. Москва: Русский язык.
- ТуркРС – Туркменско-русский словарь. 1968. Москва: Сов. энциклопедия.
- УДРС – Удмуртско-русский словарь. 1983. Москва.
- ФСМ – Фразеологический словарь мордовских языков. 1973. Саранск.
- ФСУ – Фразеологичний словник української мови. 1998. Київ.
- ХРС – Хинди-русский словарь. 1953. Москва: Русский язык.
- ЭРС – Эрзянско-русский словарь. 1993. Москва: Русский язык.

### Reference

- Baskakov N.A., 1979. Russkie familii tyurkskogo proiskhozhdeniya [Russian surnames of Turkic origin]. Moscow. P. 5. [in Russian].

Vorob'yov V.V., 1997. Lingvokul'turologiya [Linguoculturology]. Teoriya i metody [Theory and Methods]. Moscow: Izdatel'stvo Rossiiskogo universiteta Druzhby narodov. P. 45-53. [in Russian].

Gabelentz G., 1881. Chinesische Grammatik mit Ausschluss des niederen Stils und der heutigen Umgangssprache. Leipzig. P. 11-15 [in German].

Gorelov V.I., 1984. Leksikologiya kitajskogo yazyka [Lexicology of the Chinese language]. Moscow. P. 21-25. [in Russian].

Mokienko V.M., 2007. Zagadki russkoj frazeologi [Riddles of Russian phraseology]. Sankt-Peterburg: Avalon. P. 6-9. [in Russian].

Moravcsik Edith A., 2009. Partonomic structures in syntax. New Directions in Cognitive Linguistics. Amsterdam-Philadelphia. P. 45-49.

Pacsai I., 1995. Areal'nye aspekty parnyh slov v russkom yazyke [Areal aspects of paired words in Russian]. N'ired'haza. P. 35-38. [in Russian].

Permyakov G.L., 2001. Posloviy i pogovorki narodov Vostoka [Proverbs and sayings of the peoples of the East]. Moscow. P. 38-43. [in Russian].

Semenas A.L., 1976. Paradigmaticheskiy analiz komponentov kopulyativnogo slozheniya v kitajskom yazyke' [Paradigmatic analysis of the components of cumulative addition in Chinese]. Moscow: Vostochnoe yazykoznanie. P. 107-112. [in Russian].

Teliya V.N., 1996. Russkaya frazeologiya [Russian phraseology]. Moscow: Id Yazyki russkoj kul'tury. P. 31-35. [in Russian].

Tkachenko O.B., 1981. Problemy sopostavitel'no-istoricheskogo izucheniya slavyanskih yazykov [Problems of Comparative-Historical Study of Slavic Languages]. Moscow: Voprosy yazykoznanija. P. 48-59. [in Russian].

Tokarev S.A., 1957. Religioznye verovaniya vostochnoslavyanskih narodov XIX – nachala XX v. [Religious beliefs of the East Slavic peoples of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. P. 41-44. [in Russian].

Trubeckoj N.S., 1991. Verhi i nizy russkoj kul'tury [Tops and bottoms of Russian culture]. Moscow: Vestnik Moskovskogo universiteta. V. 9. № 1. P. 87-98. [in Russian].

Uspenskij B.A., 1982. Filologicheskie razyskaniya v oblasti slavyanskih drevnostej [Philological research in the field of Slavic antiquities]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. P. 36-39. [in Russian].

### Sources and their temporary abbreviations

AS – Atalar syozleri ve ajtymlar [Proverbs and sayings]. 2002. K>yrym-Simferopol'. [in Tatar].

BRS – Bashkirsko-russkij slovar' [Bashkir-Russian Dictionary]. 1996. Moscow: Russkij yazyk. [in Russian].

D – Posloviy russkogo naroda. Sbornik V. Dalya v dvuh tomah [Proverbs of the Russian people. Collection of V. Dalya in two volumes]. 1984. Moscow. [in Russian].

ZNI – Zalygin S., 1979. Na Irtyshe [On the Irtysh]. Moscow: Molodaya gvardiya. [in Russian].

KAJ – Kajdarov N., 1958. Parnye slova v sovremennom ujugurskom yazyke [Paired words in the modern Uyghur language]. Alma-Ata. [in Russian]. Moscow: Young Guard.

KaRS – Kazahsko-russkij slovar' [Kazakh-Russian Dictionary]. 1981. Moscow. [in Russian].

Kireevskij – Sbornik narodnyh pesen P. V. Kireevskogo [Collection of folk songs P.V. Kireyevsky]. 1983. Leningrad: Nauka. [in Russian].

- KIPC – Kirgizsko-russkij slovar' [Kyrgyz-Russian Dictionary]. 1965. Moscow: Russkij yazyk. [in Russian].
- MaRS – Marijsko-russkij slovar' [Mari-Russian Dictionary]. 1991. Joshkar-Ola: Russkij yazyk. [in Russian].
- ME – Margalits Ede. 1990. Magyar közmondások és közmondásszerű szólások. (vengerskie poslovicey i pogovorki) [Hungarian proverbs and sayings]. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- MFS – Smiešková E., 1992. Malý frazeologický slovník [Little phrasal dictionary]. Bratislava.
- NSP – Russkie narodnye pesni, sobrannye pisatelyami [Russian folk songs collected by writers]. 1974. Moscow. [in Russian].
- Ozhegov – Ozhegov S. I., 1987. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkij yazyk. [in Russian].
- OSH – Oshanin I. M., 1952. Kitajsko-russkij slovar' [Chinese-Russian Dictionary]. Moscow. [in Russian].
- RF – Biriš A. K., Mokienko V. M., Stepanova L.I., 2005. Russkaya frazeologiya [Russian Phraseology]. Moscow: Astrel' - AST - Lyuks. [in Russian].
- TaRS – Tatarsko-russkij slovar' [Tatar-Russian Dictionary]. 1966. Moscow: Russkij yazyk. [in Russian].
- TuRS – Turecko-russkij slovar' [Turkish-Russian Dictionary]. 1977. Moscow: Russkij yazyk. [in Russian].
- TurkRS – Turkmensko-russkij slovar' [Turkmen-Russian Dictionary]. 1968. Moscow: Sov. Enciklopediya. [in Russian].
- UdRS – Udmurtsko-russkij slovar' [Udmurt-Russian Dictionary]. 1983. Moscow. [in Russian].
- FSM – Frazeologičeskij slovar' mordovskih yazykov [Phraseological dictionary of Mordovian languages]. 1973. Saransk. [in Russian].
- FSU – Frazeologičnij slovník ukraïns'koï movi [Phraseological Dictionary of Ukrainian Language]. 1998. Kiïv. [in Russian].
- HRS – Hindi-russkij slovar' [Hindi-Russian Dictionary]. 1953. Moscow: Russkij yazyk. [in Russian].
- ERS – Erzyansko-russkij slovar' [Erzya-Russian Dictionary]. 1993. Moscow: Russkij yazyk. [in Russian].

### Имре Пачаи

*Ньиредьхаза жогагы мектеби, Ньиредьхаза, Мажарстан*

*(E-mail: drpacsai@gmail.com)*

### Еуропа және шығыс тілдерінің фразеологиясындағы соматизмдер

**Аннотация.** Фразеологизмдерді зерттеу – белгілі ғалымдардың тұжырымдарымен расталған тіл білімінің маңызды бөлігі. Фразеологиялық бірліктер ұлттық менталитет пен мәдени дәстүрдің маңызды мотивтерін бейнелейді. Түркі және финн-угор тілдерінің орыс тілі мен мәдениетіне әсерін ашып көрсеткен Н.С. Трубецкойдың еңбектері біздің зерттеуімізге түрткі болды.

Шығыс тілдеріндегі фразеологизмдердің семантикасы мен құрылымын зерттеу барысында олардың мажар тіліндегі фразеологиялық бірліктермен мағыналық және құрылымдық

ұқсастықтары табылды. Шығыс тілдерінің фразеологиялық тіркестеріндегі күрделі жұп соматизмдер (адам денесі бөлігінің атауы) ерекше қызығушылық тудырды.

Мақалада еуропа және шығыс тілдерінің фразеологиялық бірліктеріндегі бірқатар соматизмдер қарастырылып, олардың әр халықтың менталдық және мәдени дәстүрлеріне байланысты айырмашылықтары атап көрсетілді; мажар және түркі, шығыс тілдеріндегі фразеологиялық бірліктердің тарихи ареалдық, тілдік және мәдени қарым-қатынасына байланысты мағыналық және құрылымдық ұқсастықтары байыпталды.

Түркі және мажар тілдеріндегі соматизмдер адам денесінің бір бөлігін (бас, жүрек, көз, құлақ, қол, т.б.) дәлме-дәл білдірумен қатар, адамның рухани дүниесін, оның жағымды немесе жағымсыз сипаттарын танытатын ауыспалы мағыналарға да ие. Бұл ауыспалы мағыналар қытай тіліндегі фразеологиялық бірліктерде де кездеседі.

Құрылымы жағынан алып қарағанда, түркі, финн-угор, мажар, қытай тілдерінің фразеологиялық бірліктеріндегі соматизмдер күрделі жұп сөздермен берілген, бұл олардың белгілі бір типологиялық ортақтығын дәлелдейді. Орыс тілі фразеологизмдеріндегі жұп соматизмдер түркі және орал тілдерінің ареалдық-мәдени ықпалына тікелей байланысты.

**Кілт сөздер:** фразеологизмдер, соматизмдер, еуропалық тілдер, мажар тілі, түркі, финн-угор және қытай тілдері, ауыспалы мағыналар, күрделі жұп сөздер, ареалдық тарихи байланыстар.

### I. Pacsai

*College of Nyíregyháza, Nyíregyháza, Hungary*

*(E-mail: drpacsai@gmail.com)*

## **Somatic phraseological units of European and Oriental languages**

**Abstract.** Studying phraseological units is important task of linguistics, which is confirmed by the results of research by well-known scientists. This study compare the specific elements of European and Eastern phraseology which connected with cultural and linguistics traditions. The works of N. S. Trubetsky motivated our research, as he revealed the influence of the Turkic and Finno-Ugric languages on the Russian language and Russian culture.

In the study of the semantics and structure of phraseological units in Eastern languages, we found their semantic and structural similarities with the phraseological units of the Hungarian language.

This article discusses some somatisms (the name of a part of the human body) in the phraseological units of European and Oriental languages, their differences are noted, due to the mental and cultural traditions of the peoples; the semantic and structural similarities of phraseological units of the Hungarian and Turkic, Oriental languages, associated with historically areal, linguistic and cultural contacts, are revealed.

Somatisms in the Turkic and Hungarian languages, in addition to the direct designation of a part of the human body (head, heart, eye, ear, hand, etc.), also have figurative meanings that express the spiritual world of a person, his positive or negative characteristics. These figurative meanings are also found in phraseological units of the Chinese language.

Structurally, somatisms in the phraseological units of the Turkic, Finno-Ugric, Hungarian, and Chinese languages are represented by complex paired words, which confirms their certain typological commonality. Paired somatisms in the phraseology of the Russian language are due to the areal-cultural influence of the Turkic and Uralic languages.

**Keywords:** phraseological units, somatisms, European languages, Hungarian language; Turkic, Finno-Ugric and Chinese languages, figurative meanings, complex paired words, areal historical contacts.

***Сведения об авторе:***

*Имре Пачай*, PhD, профессор, Ньиредьхазская высшая школа, ул. Шостой, 31/В, Ньиредьхаза, Венгрия.

Scopus ID: 55566376200

***Автор туралы мәлімет:***

*Имре Пачай*, PhD, профессор, Ньиредьхаза жоғары мектебі, Шостой к., 31/В, Ньиредьхаза, Мажарстан.

Scopus ID: 55566376200

***Information about author:***

*Imre Pacsai*, PhD, professor, Nyíregyháza Foiskola (College of Nyíregyháza), Sóstói str., 31/B, Nyíregyháza, Hungary.

Scopus ID: 55566376200